Моё настоящее имя. Истории с биографией

Автор:
Людмила Улицкая

Моё настоящее имя. Истории с биографией

Людмила Евгеньевна Улицкая

Улицкая: новые истории

Новая книга автобиографической прозы Людмилы Улицкой – это личный, глубоко интимный отчет о встрече человека с самим собой. Время, ограниченное настоящим, поскольку сам факт будущего подвергается сомнению. Мир, сжавшийся до размеров комнаты, где перечитываются книги, листаются страницы дневника, переживаются старые любови и дружбы. Эмоциональная память включает в себя многое, в том числе и черные дыры на месте дорогих людей, ушедших навсегда. И всё это материал, из которого созданы рассказы и мемуарные очерки, составившие эту книгу.

Содержит нецензурную брань.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Людмила Улицкая

Моё настоящее имя. Истории с биографией

В оформлении переплета использована картина Андрея Красулина

Книга публикуется по соглашению с литературным агентством

ELKOST Intl.

© Улицкая Л. Е.

© Бондаренко А. Л., художественное оформление

© ООО “Издательство АСТ”

* * *

Свое подлинное имя человеку дано узнать только после смерти, когда ангел вкладывает ему в руку белый камень с его настоящим именем.

Людмила Улицкая

* * *

То, что мне казалось легким,

Оказалось очень сложным,

То, что мне казалось сложным,

Оказалось невозможным.

То, что было невозможным,

Посмотри – в моей руке!

Моё настоящее имя

Об имени

вот я – какая из меня люся какая улицкая – не знаю кто…

на ладони будет белый камень с настоящим именем а паспортное будет

написано на сером камне на немецком кладбище где мама с бабушкой

а пока пусть будет псевдоним какой угодно и к этому ночная невнятная молитва

я не люся улицкая это какие-то чужие корябые как стекляшки звуки

особенно не людмила

откуда взялась людмила я знаю – когда я родилась мой шестнадцатилетний дядька витя ухаживал за деревенской девочкой людмилой и он принес в дом это случайное имя

и его на меня налепили

и я так и не знаю своего настоящего

где-то мелькнула “евгения” в отчестве потом в фамилии второго моего мужа отца моих сыновей

все там случайное как броуновское движение…

еще до того как я поссорилась с любимой биологией и еще не выросла из личиночной неосознанности еще болталась в первичном океане воспроизводства – бедная девочка как несуразно и негармонично вырастает тело и не догоняет его душа – полжизни провела в плену незыблемой и ложной идеи непременного

размножения продления себя… и только к исходу лет начинается понимание того какое потемочное существование обещает первобытный бульон с кишением яйцеклеток и спермиев

и биология с которой я тогда еще не поссорилась

говорила настойчиво и безапелляционно – пора, пора, пора…

и уже шелковый лоскут образец узорчатой ткани с итальянской выставки лежит под ногами и я стою на нем рядом с существом мужского пола и священник водит нас вокруг маленького столика прикинувшегося на время аналоем и это действие называется венчанием и это было со мной а не с кем другим и кусочек узорчатой ткани хоть сейчас могу достать из комода и показать тогда мне казалось что постоять на узорчатом лоскуте и обойти вокруг шаткого столика необходимое условие деторождения

тогда я была еще людмилой

востребовано природой было некое существо мужского пола для продолжения иллюзии собственного пребывания и после выполнения этого природного задания —

родились двое детей с отцовской быстротой реакции ловким юмором несколько жеманным жестом губ в смехе и с половинной долей моих наследственных черт разделенных причудливо и избирательно между обоими сыновьями: старшему сметливость и целеустремленность младшему артистизм и способность плавать неизвестно где в его случае в музыке

не навек случился тот человек – на двенадцатилетие

а потом я ушла

из этого египта с праздником одиночества

и некоторой невесомости освобождения

с нулевой отметки начинается все новое

потом начинается новый узор жизни

нарисованный другим человеком с крепким и негнущимся именем

с безукоризненным движением рук умного без всякого напряжения эгоцентрика

с безошибочным глазом и природным равновесием здорового молодого животного

не тронутого сомнениями в своей полной состоятельности

оказывается изредка имя попадает в цель и не надо ждать иного подлинного

можно понемногу пить тихими вечерами

когда муж андрей уже свое отпил и отгулял

а я на старости лет догоняю до хорошего градуса под вечер

и ночью пишу слова а он за стенкой давно спит на чистом полу на бамбуковой циновке

совершенный в своем роде в полноте искренности и неозабоченности

таков какой есть и ничем иным не может и не хочет быть кроме как самим собой и все это в движении карандаша-руки-плеча-камня и бумаги на которой и я означала дни и ночи

пока клавиатура не победила страшную белизну бумаги

происходит освобождение от старания от умения от намерения и тогда только тогда возникает это “сейчас-сейчас не вчера и не завтра” и девочка плачущая по серой кошке с которой ее насильно разлучили и возвращающийся в воркуту как будто на родину человек прозревающий в длинной дороге что никакой родины не бывает а есть только окно из которого видно первое дерево и веревка на которой сохнет под ветром ветхое белье раскидывая рукава и штанины и спит тело в теплушке забыв куда и зачем оно стремилось о чем мечтало на стыках рельс стонет вагон и летит неизвестно куда

Аминь

с этой сегодняшней ночи мне хочется писать только так

только так но этому нельзя научиться для этого надо разучиться…

мама запрещала называть бабушку иначе чем леночка – так маме хотелось сохранить ее молодость но сохранилась только фотография мы втроем сидим на круглоспинном диванчике молодая бабушка юная мама и я пятилетняя бабушке сорок восемь или около того много моложе чем я сегодня и сбоку видна лампа белая фарфоровая столбиком в лилово-розовых модерно-выдуманных цветах которая сейчас светит мне на подушку

крупная статная ширококостная большегрудая бабушка леночка с короткой шеей плотными ногами и хвостиком кудрявых волос подколотым на шее как тогда носили и в шляпе

в ее старости я сама коротко стригла эти седеющие кудряшки и маму тоже стригла

кудрявых стричь легко промахи ножниц не видны…

зубы прекрасные до старости и смех обнажающий ровный ряд “сплошных” как толстой придумал для вронского зубов

она хорошо смеялась особенно когда приходила к ней нездоровой толщины сестра соня тоже крупнозубая но у той еще были большие темно-красные ногти на толстых пальцах…

надо дарить девочкам подарки бабушкина сестра соня мне подарила вязаное платье малиново-лилового небывалого по тем простецким временам цвета – привезла после войны с рижского взморья я запомнила взлетающее слово взморье

в этом платье я постановочно обнимаю в фотоателье другую соню – прабабушку с отцовской стороны

на фотографии мне года три

как жаль что теперь фотографий почти не стало

телефоном снимают на минутку

никогда не остается на стене и в альбоме и вообще нигде никаких следов кроме как в облаке но туда мы не заглядываем

самая ранняя семейная фотография моего прапрадеда исаака хаимовича гинзбурга висит на стене на этой фотографии он старик в кипе следовательно даже если его и крестили когда брали в школу кантонистов то к старости он вернулся в лоно иудаизма после двадцати пяти лет солдатской службы

георгиевский крест который он получил за взятие плевны в 1878 году я в дошкольном возрасте вытащила во двор похвастаться и он ушел навсегда из дому…

молодых фотографий исаака нет и быть не могло – фотоателье еще не народились

с возрастом у евреев всегда путаница никогда не знали как мальчика записать на два года раньше или на три года позже

много софий в семье кроме этой прабабушки – еще мать моего деда якова которая жила в ленинграде в пятидесятых годах у своей дочери раи

она никогда не ела конфет а собирала их чтобы отправить в лагерь сыну якову моему деду

не знаю доходили ли до него эти конфеты…

в конце жизни эта прабабушка соня жила на остоженке у своего внука сани ревзина одного из первых в стране лингвистов…

путаются эти семейные линии одни обрывки

еще была другая сонечка со сложным родством

тетка бабушки лены годами была младше племянницы

что бывает когда дочери уже начинают рожать а матери еще не кончили

эти племянница и тетка вышли замуж за двух братьев и прожили почти всю жизнь одной семьей в одной квартире

сонечка была высокого роста полногрудая на длинных ногах

немного сутулилась и домработница говорила у елены марковны фигура городская а у софьи львовны деревенская

фраза загадочная я бы сказала как раз наоборот

домработницы вербовались из бежавших от колхозов девчонок

у бабушки лены была своя формула жизни – новую домработницу отдавали в вечернюю школу где она заканчивала седьмой класс а потом выходила замуж за милиционера или домоуправа часто бывало лимитчика и взамен себя присылала из той же деревни младшую сестру либо соседскую девчонку и так далее

я помню четырех таких девочек

застолье на каляевской в большой столовой еще не разделенной пополам поперечной стеной при разрастании семьи было многолюдным

сколько человек собиралось за обедом ужином праздником на еврейскую пасху и на новый год: прадед хаим его сыновья боба и юлик невестки леночка и сонечка и их дети мируша витя и шурик

трое детей на две пары

при двух выросших мальчиках вити и шуры – две их русские жены таня и тамара

моя мама мируша со своим мужем моим отцом женей и я

мои двоюродные братья еще не родились получается двенадцать

двенадцатая я люся

за пасхальным столом правил мой прадед хаим

маленький беленький со слезящимися бледно-голубыми глазами он читал на незнакомом языке стихи как мне казалось

это и были стихи из торы таинственный язык

и маца на пасху особый кусочек мацы (афикомон? или в этом роде) прятали а я его искала находила и мне за него давали подарок-выкуп не помню точно какой

нет один подарок помню часы – дядя витя подговорил меня попросить в виде выкупа часы

ты что с ума сошел – изумилась я – часы ясное дело не детская драгоценность но это был заговор и я попросила часы

и прадед надел мне на руку часы в виде коробочки на кожаном тонком ремешке прадед был часовщиком и собрал из разного старья такие часики которые в общем кое-как тикали

тикали недолго я вышла во двор стали играть в нечто вроде кругового волейбола один мальчик прицелился и ловко бросил мяч прямо в часы они разлетелись и только коробочка на ремешке осталась на моей семилетней руке а все пружинки и колесики высыпались на землю вместе со стеклом

после моего рождения в нашей семье пошли мальчики только мальчики мои двоюродные юра и гриша троюродный олег

потом у этих мальчиков еще четверо мальчиков плюс моих двое алеша и петя и у алеши трое марк лукас и лаврик итого двенадцать мальчиков и после них одна девочка петина дочка марьяна названная в память не дожившей до внуков моей мамы сильные были женщины в семье

а пол определяется носителем Y-хромосомы то есть мужчиной

кажется у народов живущих в тяжелые военные времена всегда рождается больше мальчиков

только не в нашей семье

как я могла забыть и как важно что я вспомнила

когда отмечали еврейскую пасху в какой-то момент все подходили к входной двери

и приоткрывали ее чтобы ангел вошел

надо это проверить в последовании песаха

а то всё слова и слова

а здесь прекрасное действие – тихо входит ангел

за деньги покупают керосин и мороженое я точно знала

потому что мы с прадедом ходили в керосиновую лавку он с бидоном побольше а я с маленьким

а потом мороженое покупали – всё за деньги

я еще не поняла что деньги нужны чтобы на столе стояла еда

но уже знала что деньги нужно давать в долг соседям

к бабушке ходили к маме ходили и ко мне когда выросла ходят одалживать

но я до сих пор не знаю в точности

что такое одалживать и занимать

в каком случае дают в каком берут

мы считаемся богатыми евреями и обычно даем

это роскошь богатства

позже пришло понимание что деньги нужны

для спасения жизни

а еще позже понимание что есть вещи

которые ни за какие деньги не купишь

а спустя еще какое-то время мне умные люди объяснили

что все жизненные проблемы

которые разрешаются “путем денег” —

вообще не проблемы а расходы

на этом месте сделала открытие

когда отдаешь в долг нельзя рассчитывать на то что вернут

потому надо давать ровно столько

сколько не жаль потерять

но давать не в долг а просто так мне нравится больше

денег я боюсь и не умею с ними обращаться

но они ко мне хорошо относятся

и всегда более или менее были есть и наверное будут – времени жизни уже меньше чем денег

я люблю когда они есть в кармане

деньги дают некоторую прочность и уверенность

впрочем вполне ложную

да про разбитые часы

я пришла домой в великом горе зареванная

положила на стол остатки часов и пошла доплакивать

на бабушкин круглоспинный диванчик

там от слез и заснула

прадед часовщик почти слепой

вытащил длинную фарфоровую коробочку

в которой лежали тонкие железочки

поковырялся с ними и положил починенные часы на то же место

только трещинку на стекле не смог убрать

я проснулась – часы тикали

дед-то считался слепым

и я поняла как он всех обманывает

и потрясена была не столько ожившими часами

сколько вскрывшимся обманом:

деда, так ты не слепой

Аминь

я смутно знаю что будет потом —

немного моего “я” сохранится

но только лучшая отредактированная часть

остальное вычистится и отлетит как пыль

а внешне я останусь на себя прежнюю похожей

но тоже отредактированной

знаю что останется детское выражение лица

которое долго чуть ли не до конца на мне лежало

и руки кисти останутся

и свобода движения которая

только к старости во мне проснулась

обычно бывает наоборот

но меня неуклюжесть всяческая покидала с годами

как покидает меня теперь память на то

что произошло недавно

и по мере ее растворения улучшается слух

но только на музыку которую к старости стала слышать

а детские и женские высокие голоса хуже

всего воспринимаю

внук лаврик звонит каждый вечер

и писк его голоса не очень мне внятен

а может быть, без хронологии…

Прогулка в Тимирязевке

вот так отложив перо

от клавишей оторвавши пальцы

оставив узор как есть

зажатым в двойные пяльцы

увидеть вдруг под собой мир

как космонавт Гагарин былой кумир…

душа не говорит словами ни с кем

ни с вами и ни с нами

лишь оговорками и снами

ведет свой тайный разговор

и всё про вздор про вздор про вздор

посылают еще сигнал который не понимаешь

и шлют еще повтор повтор

но стоит забор

через который ничего не перекидаешь…

доброе утро медленное как забытый сон

складываю буквы в слова

варю андрею суп

пишу письмо ем и пью

слова и слова до вечера

в перерывах смотрю на клен из спальни

и на липу из кабинета

от десяти до двенадцати одолевает слабость

потом до двух тутуола или хаджимурат

сон нейдет до четырех

считаю от одного до ста и обратно

сны важнее яви но не запоминаются

и снова доброе утро медленное как забытый сон

складываю буквы…

вот такие дорожные наблюдения —

прошла пять километров всего-то

вся страна тимирязевка

валежник сухостой гнилые пни

днем комарья тучи

вечером светляков огни

так было всегда —

прекрасные мы и злые они

в одном котле в одном говне

эти меньшие братки качаются в тимирязевке

а старшие братки живут на кипре у моря

где пирс чист и воздух душист

там кагебист здесь кагебист

в тимирязевке гниет палый лист

поваленные стволы беспризор безнадзор

кроты выглядывают из нор

это родина моя мой позор

тот гавел у которого не кадиллак самокат

а у кого кадиллак – скорей всего вор и кат

сложена как венера толстовата на наш вкус

ей бы сесть на диету гимнастический курс

для похудания спортивный контроль

сбросить вес доволен будет гермес

* * *

пришел денег одолжить захарка

сын юры моего покойного первого мужа

умершего в тридцать шесть лет

но я от него ушла лет за десять до его смерти

захарка мой крестник а юра крестился незадолго до смерти

мы были тогда в плену христианства

не могу сказать что очень сладком но притягательном

в двадцатые годы прошлого века

дети интеллигентных родителей

так точно вступали в комсомол

до беспартийности надо было дорасти

сколько-то лет тому назад иду по двору с катей

а навстречу люда

говорю знакомьтесь

это катя вторая жена моего первого мужа

а это люда пятая жена моего второго мужа

такая открылась формула в восьмидесятых

наши родители разводились иначе – насмерть

раннее утро в постели

сладкие часы никуда не спешу

карантинная свобода от дел

домоседство

но болит сердце по утрам

и днем болит тоже

но не замечаю по занятости

решила было все органы лечить

а сердце не лечить

потому что от сердца смерть быстрая

но я не предполагала что оно будет

так долго и нудно болеть

думала – раз и все

так нет ведь

никакой хронологии она закончилась окончательно

* * *

жизнь как круглое озеро

и все его берега одновременны

или как пуля пролетевшая

почти весь свой путь

и траектория клонится вниз вниз

а потом – бабах! – взрыв

* * *

иногда читать почти так же приятно как писать

сегодня экзотическое чтение —

два рассказа шолохова

юра фрейдин сказал что он хороший писатель

наверное

но больше не хочу про казаков и казачью жизнь

пожалуйста набокова в крайнем случае бунина

антропологию очень люблю

но про масаев тунгусов и австралопитеков

а не про казаков

они слишком близко громко и погромно

и тихий дон перечитывать не буду

много ему с его казаками чести

а вчера позвонил никита и сказал что юра фрейдин умер

он мой ровесник девять дней разница в возрасте

и женечка колесникова умерла в тот же день – ей было тридцать четыре

бабушка умерла хорошо в восемьдесят восемь лет

болела всего месяц наш семейный рак

мы с дядей витей попеременно сидели с ней

я днями а он ночами

в июне это было – ей принесли клубнику

и она сказала какая я счастливая мне старухе

дети приносят клубнику в июне

умерла дома отвезли в морг

а в гробу она лежала с приоткрытыми глазами

и с ужасно сшитыми темной ниткой губами

на вздохе умерла рот открыв

она была прекрасна в жизни

с неизменным и точным чувством

собственного достоинства

Аминь

коронавирус подвигается к нам

и последствия его непредсказуемы

и в любом случае никакого блага не принесет

но возможно выживший остаток

выйдет благоизменившимся (неологизм?)

будущее непредсказуемо как и прошлое

из которого мы сами отбираем что хотим

а чего не хотим отбрасываем

под утро полу-приснилось полу-пришло в голову

что надо написать вам дети мои

все что я знаю о своих предках

по еврейской библейской традиции

родословие ведут по мужской линии

“Авраам родил Исаака…” и так далее

но женское родословие надежнее —

женщина лучше знает

кто отец ее ребенка

моя мама выбрала себе имя сама

когда получала паспорт

назвалась заграничной марианной

за красоту и близость к имени мириам

которым ее назвали при рождении

дома ее звали мирочка мируша

она была птичьей хлопотливой породы

по-толстовски “не удостаивала быть умной”

но обладала природным даром радоваться жизни

веселой энергией

и чувством молниеносного сострадания

странная мысль пришла мне в голову

вся семья ходит с какими-то надуманными именами

мама не марианна а мириам

бабушка наверняка не елена а как-то иначе

по-еврейски дед не борис а бейнус

прадед не ефим а хаим

даже дядя витя был наречен авигдором

но они-то хотя бы знали

как их звали по-настоящему

а я ношу свой псевдоним людмила

в честь людмилы княгини чешской

убитой своей невесткой

а настоящего имени своего не знаю

мне было лет девять

мы с мамой зашли

в сапожную мастерскую

где за старинной швейной машинкой для обуви

(была такая суперпрофессиональная

зингеровская – детали случайно застрявшие

всегда важнее тех

которые мы считаем значительными)

сидела бледная женщина лет сорока в черном халате

все знали всех – продавщица в булочной сапожник участковый милиционер все дяди и тети

полудеревенская слободская жизнь

и правда рядом Новослободская

с трамваем до Савеловского вокзала…

тетку в черном халате мама назвала по имени-отчеству

но оно не отложилось в памяти

а разговор сохранился:

– что-то вы очень бледная… имя-отчество…

– все живот болит и болит и днем и ночью

извелась, Марианна Борисовна…

– так надо рентген сделать

приходите ко мне в институт

у нас хорошие рентгенологи…

а я засранка получаю в это время великий урок жизни

но еще не понимаю что это за урок:

стою и дуюсь – чтой-то мама эту чужую простую тетку

к себе в институт приглашает лечиться

не родственница не подруга а вроде домработницы

мамочка, я люблю тебя до сегодняшнего дня

и за этот разговор тоже

сорок шесть лет тому назад умерла…

ужасно рано в пятьдесят три

на гребне последней волны последней любви

Аминь

с детства мне хотелось быть лучше чем я есть

и порой совершала поступки

лучше тех на которые была способна по природе

наверное хотела нравиться

мне и сейчас нравится нравиться

но я улыбаюсь когда это за собой замечаю – детская черта

мои самые ранние воспоминания:

я только-только научилась ходить

мама говорила что я пошла рано в девять месяцев…

вот я иду с трудом без чувства большой уверенности

по домотканой дорожке по направлению к высокой этажерке

передо мной катится мяч

он раскрашен в четыре доли

одна точно красная другая синяя

мяч катится передо мной

я хочу его догнать но это трудно

я хочу прежде мяча дойти до этажерки

все – обрыв пленки

так всю жизнь и иду

к этой значительной этажерке…

второе раннее воспоминание:

я в доме у бабушки лены

где проводила очень много времени

стою опершись руками о кушетку покрытую ковром

и набираюсь решимости чтобы добежать

до белой голландской печи

это метра два-три —

бегу выставив вперед руки

и ладонями упираюсь в печь

она горячая ладони чувствуют ожог

думаю что именно благодаря

этому первому яркому ощущению боли

я и запомнила эту героическую пробежку…

и потом как лизнула на морозе

железную ручку входной двери…

как страшен мир как жгуч и интересен

та кушетка покрыта ковром

на кушетке лежит мой прадед

по-домашнему дедушка хаим

с паспортным псевдонимом

ефим исакович гинзбург

он не всегда лежал на кушетке

иногда вставал надевал на себя

шелковый белый талес с черными полосками

брал в руки книгу и молился:

ходил по комнате взад-вперед с книгой в руках

я сидела под большим столом

и старалась ухватить его за кисти талеса

а он с притворной строгостью

через улыбку отмахивался от меня

от этого талеса у меня сохранился

шелковый футляр

единственная материальная память о нем

да потрепанная Тора двуязычная

вильнюсского издания конца позапрошлого века

стоит на самой верхней полке стеллажа

где все ненужное

я была первая его правнучка

до следующих правнуков

трех мальчиков он не дожил

и любил меня неделимой любовью

помню прабабушку розу хаима жену

маленькую хорошенькую очень беленькую и в белой рубашке

поднимают ее с большой постели красного дерева

(тумбочка от этого гарнитура

подаренного бабушке на свадьбу

до сих пор у меня на кухне

а кровать я давно загубила выставив на балкон)

прабабушка стоит расставив тонкие худые ножки

из нее брызжет пенистая желтая струя

прямо в белый горшок,

который кто-то держит перед ней

а во мне впервые просыпается

чувство собственничества это мой горшок…

и больше я ничего о ней не помню

только эта одна-единственная картинка

умерла она в сорок пятом году

мне было года два-три —

одно из первых воспоминаний

на этой же постели спустя несколько лет умирал и прадед

я уже не один раз описывала этот

важнейший в моей жизни момент:

соприкосновение со смертью любимого человека

и вообще первое приближение к точке

которая с годами становится все более важной

а картинка эта не только не мутнеет

а становится все четче

прадед лежал на этой самой кровати и умирал

вокруг него собралась вся семья:

два его сына, две невестки и дядя витя и дядя шурик

и еще кто-то кого не помню

мама привела меня с улицы прямо в шубе в комнату

дед совсем уже уходил

и глазами смотрел уже в ту сторону куда шел

и тут его стали тормошить:

дедушка дедушка люсенька пришла

и он как будто вернулся издалека

не сразу нашел меня глазами улыбнулся

и сказал какая большая девочка

шурик который тоже был тогда в комнате

много лет спустя мне сказал

что это не все что дед тогда сказал —

какая большая девочка все будет хорошо

но про “хорошо” я не запомнила

тут мама взяла меня за руку и повела домой —

у нас была отдельная комната в коммуналке

в соседнем доме

мама по дороге плакала

и я понимала что произошло что-то важное

слов “умер” “смерть” при мне не произносили

о том что он умер мне во дворе сказала девочка

несколько дней спустя:

это твой дедушка умер нет я сказала

да сказала она —

в вашей квартире дедушка умер

и я поняла что? от меня скрыли

Аминь

во дворе жила еще одна еврейская семья,

помню толстого противного мальчика и его бабушку

сидящую в кресле возле кривой задней двери

убогой одноэтажки

и при мне разговор между прадедом и моей бабушкой леной его невесткой

он говорит что хорошо бы ему жениться на этой…

не помню имени…

сейчас задним числом понимаю

что старушка сделала ему предложение

бабушка лена перекусив нитку – что-то подшивает —

говорит папа зачем это вам

мы вас любим ухаживаем за вами

а чужая старушка в доме нам не нужна...

и прадед послушно кивает:

да да леночка…

было такое обыкновение у этих древнееврее в

соединять одиноких стариков

чтоб не скучали что ли…

красивая история

я из хорошей семьи я знаю это про моих стариков

во всяком случае про бабушку лену и прадеда хаима – благотворительность пошла от еврейской семейственности

была девочка женя безотцовщина

родившаяся у прадедовой родственницы иды в ленинграде

никто ее никогда не видел

прадед посылал ей свою пенсию

потому как дома его кормили поили

и деньги ему не нужны были

девочка была моложе меня года на три

и ей кроме дедовой пенсии

посылали мои вещи когда я из них вырастала

адрес их помню по сию пору

канал грибоедова дом шестьдесят три

ида присылала благодарственные и подробные письма

про свою дочку какая она прекрасная

а потом прадед умер и я помню

как моя бабушка лена много лет ходила

каждый месяц на почту и посылала

сумму равную прадедовой пенсии

этой иде до того времени

как девочка женечка не закончила институт

Аминь

и еще вот прадед ведет меня в детскую группу на миусы

не на сквер куда мы ходили группово гулять

а на квартиру к нашей бонне анне юлиановне

с немецким языком – гутен морген данке шён о майн гот…

дед нес военно-послевоенные судочки с обедом

мы всей группой у бонны обедали после прогулки —

саша хелемский маша и таня алигер и мальчик

которого я плохо запомнила но имя сохранилось

в уголке памяти – миша озеров

все писательские детки кроме меня

а я неписательская попала по случаю дружбы

моих родителей с семьей якова хелемского

фронтового поэта – снимали пополам дачу в кратове…

долгое время хранилась фотография —

сидим мы с сашей трехлетние рядом на горшках

с приветливо-безмятежными лицами

а потом повзрослели и окончательно поняли разницу

между М и Ж и стали пи?сать отдельно

хелемский сегодня придет ко мне ужинать

у него брак на удаленке жена-гречанка живет в своей греции

а самолеты не летают

я котлеты пожарила и суп сварила

нет, нет, никакой хронологии, как бог на душу положит

первый мой дом был бабушкин —

уплотненная квартира на каляевской улице

которая прежде была долгоруковской

и теперь снова долгоруковская

“родовое гнездо” во флигеле

второй этаж лестница винтовая

квартира почти барская почти не коммунальная —

подселили одно еврейское семейство коганов

кажется еще до войны в крайнюю от входа комнату

мирное сосуществование омраченное

тайным раздражением или завистью

или дело было в том

что ася коган была дочкой резника

и соблюдала кашрут

а наша семья не соблюдала

тем более что бабушка в гимназии

проходила домоводство

и ее научили что лучшие котлеты

следует делать из трех сортов мяса —

говядины баранины и свинины

а это достойно только презрения

со стороны настоящих евреев

при кухне был чулан

в котором спала домработница

а под винтовой лестницей тоже был чулан

там стояли бывшие вещи —

золоченый столик трельяж

бессмысленный антиквариат

в столовой за большой стол

садились по воскресным дням

от девяти до двенадцати человек не меньше

домработница вносила супницу

потом блюдо со вторым

за стол она не садилась

когда я много позже спросила бабушку

почему домработниц за стол не сажали

она ответила неожиданно:

да они стеснялись при нас есть

им на кухне было гораздо удобнее

ели все ложками сколько влезет

иногда из общей посуды

помню настю самую старшую из всех домработниц

она попала в наш дом тайно беременной

от предыдущего хозяина

живот ее был подвязан при найме полотенцем

чтобы было незаметно

родила девочку и сдала в дом ребенка

навещала ее каждое воскресенье

а когда девочке исполнилось пять лет

настя вышла замуж за вдовца с пятью детьми

и забрала наконец свою дочку

однажды я помню пришла настя в гости

со своим мужем и несколькими детьми

бабушка их принимала как хороших гостей

в столовой накрыла стол и сама подавала…

Аминь

палатка была большая на восемь девочек

это была практика в чашникове после первого курса биофака

маленькая армянская женщина знакомила нас с растениями называя их по имени и фамилии как людей

триста растительных лиц мы должны были запомнить и сдать

а другой преподаватель знакомил с птицами

их голосами и характерами

но полюбила я только ворон гораздо позже

сначала как соседей – они свили гнездо

напротив моего кухонного окна

и я наблюдала за ними весь тот сезон

и глаз не могла отвести

от их осмысленной и умной жизни

теперь дерево это подрезали

и как раз спилили ту развилку между ветвями

где каждый год устраивали вороны гнездо

теперь они живут с другой стороны дома

там больше деревьев и выбор их правильный

но теперешнее гнездо не так близко к окну

и разглядывать их жизнь стало труднее

кабинетная швейная машинка зингер

подаренная бабушке на свадьбу в 1917 году

стоит теперь у меня как предмет мемориальный

я давным-давно сама не шью

и вообще ношу вещи десятилетиями

и к новым долго привыкаю

машинка была кормилицей семьи все годы

что дед сидел в лагерях

и после его возвращения тоже

машинка пережила вместе с семьей эвакуацию

бабушка шила на людей не на местных конечно

а на таких же эвакуированных

больше перешивала и перелицовывала

у нее были руки и глаз

старость обезобразила ее прекрасные умные руки

налезающими друг на друга буграми суставов

и скрюченными пальцами

а зрение до конца держалось

бабушка елена закончила гимназию

с золотой медалью – значок памятный у меня хранится – витая монограмма КЖГС —

калужская женская гимназия саловой

бабушка хотела пойти учиться

на высшие женские курсы в москве

но дома ей сказали что отпустят

только если она выйдет замуж

и привели жениха который ей очень понравился

поженились переехали в москву —

ученья не получилось

потому что через год в 1918 году

родилась моя мама

а не родилась бы – и меня не было

и вас, мои дети и внуки

в квартире на каляевской было пианино

перед ним крутящийся табурет

а на полированной спине пианино подсвечник —

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/lyudmila-ulickaya/moe-nastoyaschee-imya-istorii-s-biografiey

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити